

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 60 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 70 К.

1
3064
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 38

ОКТЯБРЬ. 1917

Рис. А. Радакова.

БѢДНАЯ РОДСТВЕННИЦА.

Съ глубокой злобой посвящаемъ
большеикамъ и интернаціоналистамъ.

О, конечно, Россія тоже будетъ присутствовать на будущемъ мирномъ конгрессѣ — но... какъ?...

БОЛЬНОЙ ЗВѢРЬ.

Нѣмецъ: — И чего вы, господа, ломаетесь? Увѣрю васъ, что если мы у этого русскаго медвѣдя отрѣжемъ даже половину — онъ сейчасъ и не услышитъ.

ОСЕННЕЕ.

Мрачно, холодно и сыро,
По панелямъ тифъ течетъ...
Заушенный ангелъ мира
Вѣткой голубя сѣчетъ.

Вольной прессы тонъ обыченъ:
Услаждая ближнихъ слухъ,
Не жалбуютъ зуботычинъ
И взаимныхъ оплеухъ.

По хвостамъ шныряютъ велки
Съ кроткой миной на лицѣ —
Тычутъ въ вялый мозгъ иголки:
Мысль о гибельномъ концѣ.

И дрожать мозги бараны,
Жадно впитывая ядъ...
Въ Учредительномъ Собраньи
Будетъ виденъ результатъ!

Теткинъ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

Фельетонъ Арк. Бухова.

Почти всѣ изданія посвятили очень много мѣста и статей аграрному вопросу и только «Сатириконтъ» какъ-то случайно оставилъ своихъ читателей безъ разработки этого вопроса, не выяснивъ своего взгляда на него и предоставивъ читателямъ догадываться самимъ. Особенно это, конечно, тяжело тѣмъ изъ читателей, у которыхъ земли нѣтъ, такъ какъ аграрный вопросъ именно больше всего интересуется тѣхъ, кто земли не получить и не имѣть.

Настоящая статья представляетъ собою исключительно оригинальный взглядъ автора и никого ни къ чему не обязываетъ.

Любители и знатоки земли различаютъ въ ней массу составныхъ частей: почву, подпочву, суглинокъ, черноземъ, помѣщичьи владѣнія, монастырскія и т. д. Раньше земля не принадлежала никому, такъ что если бы внезапно появился министръ земледѣлія, ему бы только разбили голову большимъ кокосовымъ орѣхомъ и все равно частная собственность не установилась.

О томъ, какъ она стала частной собственностью, ходитъ много версій, но всѣ онѣ очень туманны. Думаю, что когда сдѣлается частной собственностью и воздухъ, наши потомки будутъ очень удивлены, какъ это мы позволяли малоимущимъ ходить по нашимъ дворамъ и работать своими частновладельческими легкими, какъ жерновами, уничтожая чужой кислородъ.

Короче говоря, въ одинъ прекрасный день все человѣчество, проснувшись, почувствовало себя въ полосѣ частной собственности! Тѣ, кто догадался заказать себѣ заранее визитную карточку съ наименованіемъ: помѣщикъ, — тѣ были очень довольны. Имъ представилась выгодная комбинація замѣнить трудный для управленія лошадиный и воловий трудъ людскимъ и, какъ люди сообразительные, они быстро согласились и остались помѣщиками.

Тѣ, кто проснулся земледѣльцами прежде, чѣмъ понялъ свою ошибку, начали уже работать на другихъ. Когда они сообразили, въ чемъ дѣло, было уже поздно. Помѣщики уже успѣли заложить свои земли, прокутили деньги въ шантанѣ и посадили царя, который былъ такъ радъ своему назначенію, что на радостяхъ отнялъ добрую треть земли и у помѣщиковъ и у земледѣльцевъ, а чтобы имъ не было обидно, земля эта стала называться казенной.

Такъ было вездѣ, такъ случилось и въ Россіи, гдѣ все плохое принималось охотно. Даже по этому поводу сохранилась пословица: хорошенькаго понемножку. Подразумѣвалось, что плохого помногу.

Мало-по-малу земля переходила изъ крестьянскихъ рукъ въ помѣщичьи, такъ какъ помѣщики умѣли извлекать изъ земли массу благъ: закладывали, продавали, давали въ приданое, оставляли въ наслѣдство, пороли на ней крѣпостныхъ,

охотились на чужих овсахъ, а крестьяне, по своей тупости могли только ее обрабатывать. Нельзя же было оставлять въ ихъ рукахъ благо, которымъ они такъ ограниченно пользовались.

Когда земли было много, ее мѣрили верстами и саженьями, а потомъ стали мѣрять курами.

На вопросъ о томъ, сколько въ данной губерніи приходится земли на душу, крестьяне обычно отвѣчаютъ:

— Куренка выпустить некуда.

Поэтому въ правящихъ кругахъ, узнавъ о томъ, что есть мѣста, гдѣ на крестьянскомъ надѣлѣ могутъ сразу помѣститься двѣ курицы, считали, что земли еще слишкомъ много, и аграрный вопросъ только выдумывается эмигрантами.

Одинъ изъ Людовиговъ, услышавъ отъ своихъ крестьянъ что-то объ этомъ самомъ куренкѣ, ловко обошелъ этотъ вопросъ, заявивъ:

— Хочу, чтобы у каждого крестьянина была курица въ супѣ.

А послѣ этого, когда крестьяне заговаривали о томъ, что куренка некуда и т. д. имъ отвѣчали:

— А вы его въ супъ кладите. Тамъ ему мѣсто найдется.

Въ Россіи насчетъ супа правительство и цари не гсворили. Говорили довольно много, но о кашѣ. Да и то о березовой, которая долгое время была хотя и нелюбимымъ, но чистонаціональнымъ блюдомъ русскаго крестьянства.

Земельный надѣлъ выдавался на душу, поэтому тѣло оставалось въ законѣ и, быстро хирѣя отъ голода и истощенія, умирало, а правительство ставило себѣ въ заслугу, что заботится и о душѣ русскаго мужичка.

Историки рассказываютъ, что въ шестидесятыхъ годахъ произошло раскрѣпощеніе крестьянства. Сами крестьяне этого не замѣтили и теперь, читая исторію, много и долго смѣются. Юморъ вообще въ характерѣ русскаго народа. Особенно когда у него отнимаютъ землю.

Теперь настало время кардинальнаго, какъ это говорится по-крестьянски, разрѣшенія земельного вопроса. Соціалистическимъ, партіямъ и еще уцѣлѣвшимъ черносотенцамъ и крупнымъ помѣщикамъ этотъ вопросъ кажется очень легкимъ:

— Вся земля всему народу.

— Никакой земли никому народу.

Партіямъ либеральнымъ этотъ вопросъ никакихъ радостей не приноситъ. Лучшие профессора изъ этихъ партій заняты сейчасъ вопросомъ о томъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы помѣщики удержали у себя землю, а крестьяне ее получили. Это довольно трудно, тѣмъ болѣе, что пока-что прирѣзка земли идетъ за счетъ Россіи нѣмецкому крестьянству, которое въ этомъ отношеніи очень довольно русскимъ аграрнымъ вопросомъ.

Въ смыслѣ выкупа земель, крестьяне согласны на все.

— Выкупъ, такъ выкупъ.

— И даже небольшой, — радуется землевладѣлецъ.

— Мы и большой можемъ. Давайте.

— Какъ это: давайте? Вы должны дать. Земля наша.

— А, это другое дѣло, разъ ваша. Подождемъ, когда она наша будетъ, тогда и возьмемъ.

На этой почвѣ происходятъ такъ называемые аграрные безпорядки, при чемъ каждая сторона ихъ понимаетъ по-своему. Крестьяне называютъ аграрными безпорядками, если вся земля принадлежит не имъ, а помѣщикамъ. Помѣщики же, наоборотъ считаютъ главнымъ аграрнымъ безпорядкомъ — Чегнова. А келеты, для того, чтобы доказать, что революція бяка, аграрными безпорядками называютъ вообще все, вплоть до трамвайнаго воровства.

Въ такомъ положеніи находится сейчасъ аграрный вопросъ.

(Продолженіе см. въ сегодняшнихъ газетахъ.)

Арк. Буховъ.

РАЗСУЖДЕНІЯ УГРЮМАГО ЧЕЛОВѢКА О ЗНАЧИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

I.

О ВѢТРѢ.

Вѣтеръ приноситъ большую пользу
Уже только тѣмъ, что дуетъ:
Мало ли всякой дряни ползаетъ
И плодится человѣку на бѣду.

Вы, допустимъ, нѣжный мужъ,
Женились въ соотвѣтствующія лѣта.
Проходите, допустимъ, съ женой мимо лужи,
А въ лужѣ холерная запятая!
Вцѣпится запятая въ галошу женину,
Перепорхнетъ на подолъ платья,
И, увѣряю, на слѣдующій день уже
За докторомъ придется посылать.
Но жена умереть. Трубку за трубкой
Набивать будете и плакать надъ кисетомъ,
А жена уже безгласный трупъ:
Ласкайте оставленный ею корсетъ.
Будете на Бога пенять и дьявола,
Рыдать пріятелю въ плечо.
Въ Египетъ поѣдете, или на островъ Яву,
И, конечно, ничто не развлечетъ...
Но представьте себѣ ту же лужу,
Съ той же запятой-гадиной,
Которая, какъ въ болотѣ ужъ
Фыркаетъ въ лужѣ озорства ради.
И представьте, что за часъ до вашей прогулки
Съ прелестницей женой Валеи,
Вѣтеръ поднялъ и свистъ и гулъ,
Срываетъ крыши, опрокидываетъ трамваи.
Вы, конечно, дома переждете бурю,
Не торопясь, попивая шери-бренди,
Это лучше, чѣмъ когда по горбу
Попадетъ сорвавшимся у пекарни золотымъ
кренделемъ.

И поскольку вы нѣжный мужъ,
Вы должны благословлять вѣтеръ,
Ибо вѣтеръ такъ сушить,
Какъ ничто другое на свѣтѣ.
И уже вмѣсто лужи сухое мѣсто,
И уже — гораздо меньшаго вѣса и роста, —
Запятая холерная не пьетъ и не ѣстъ,
А издыхаетъ, закусивши зубами хвостъ.
Получается совсѣмъ друпой товаръ:
— Истощенную запятую
Любой воробей переваритъ —
Буаля-ту!
И жена ваша здорова,
И глядитъ на васъ вѣрнымъ сетеромъ,
Благословенны ваши ложе и кровъ —
Такъ вотъ оно какъ полезень вѣтеръ!..

Валентинъ Горянскій.

ГРИМАСЫ НАШЕГО БЫТА.

Онъ: — Простите, голубушка, но мнѣ ваше лицо почему-то кажется очень знакомымъ!

Она: — Да я и васъ, помнится, гдѣ-то видѣла... Позвольте! Вы не Каплюшкинъ ли съ Вереиской?

— Ну, да!

— Такъ я у васъ же втррой годъ въ горничныхъ служу! Только я цѣлый день въ очередяхъ — вотъ, гляди-ка, впервой и встрѣтились!

Волкъ.

Рис. Миусъ.

Лѣчная очередь.

ПУСТАЯ МЕЛЬНИЦА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Исторія о дѣловитомъ мукомолѣ...
Кто слышалъ ее?

* * *

Одному праздному мукомолу достался по наслѣдству участокъ земли, находившійся въ самомъ центрѣ знаменитой африканской пустыни Калахари. Весь участокъ состоялъ изъ обширной пустой площадки, покрытой зыбучими песками и усѣянной десяткомъ львовъ.

— Что бы мнѣ сдѣлать съ этой землей? — призадумался наслѣдникъ.

И, послѣ совѣщанія съ близкими друзьями, придумалъ: — Устрою я на своемъ участкѣ мукомольную мельницу. Работа закипѣла.

Одна часть рабочихъ закрѣпляла зыбучіе пески, другая тонялась за львами, истребляя ихъ безо всякаго милосердія, третья — подвозила на верблюдахъ строительные матеріалы и жизненные припасы...

Долго ли, коротко ли, но прошло нѣкоторое время, и на мѣстѣ зыбучаго участка выросла громадная шестиэтажная мельница, выстроенная по послѣднему слову мукомольной науки: со складами, элеваторами, собственной электрической станціей и прочими штуками.

Мельницу окружала сотня домиковъ для рабочихъ и служащихъ. Ничего не было забыто: устроили больницу, пенсіонную кассу и клубъ.

Открытие было очень торжественно: окрестные львы чуть съ ума не сошли, наблюдая издали шествіе рабочихъ съ оркестрами музыки, знаменами и рѣчами въ честь тароватаго хозяина.

На другой день наступили будни — рабочее время.

Весь рабочій и начальствующій персоналъ собрался на мельницѣ, отслужили, какъ водится, молебень, директоръ сказалъ рѣчь о пользѣ труда — и...

И всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Что же дальше?

— Какъ что? Работать надо.

— Да чего жъ работать?

— Да мельница-то какая? Мукомольная? Вотъ, значитъ, и нужно молотъ зерно.

— А гдѣ же зерно-то?

— Гм! Зерна, дѣйствительно нѣтъ.

— Можетъ, въ окрестностяхъ гдѣ найдется?

— Након-сь, выкуси... Въ окрестностяхъ. Тутъ только песокъ да львы. Не будешь же ты льва на муку молотъ.

— Оказія!

— Дѣла-те, въ халатѣ.

И рабочіе, и директора, и самъ многоумный и многотумный мукомоль чesали въ затылкахъ такъ, что до кости доскреблись.

Директора формулировали создавшееся положеніе довольно кратко, но опредѣленнымъ присловьемъ:

— Комики въ нашемъ домикѣ.

Рабочіе выразились нѣсколько рѣзче:

— Ну, и публика: не стоитъ и рублика!

И разбрелись кто куда.

* * *

Вотъ и вся «исторія о дѣловитомъ мукомолѣ»...

Когда я вспоминаю о минувшемъ демократическомъ съѣздѣ, сочинявшемъ настоящую народную власть — я смѣюсь горькимъ смѣхомъ — вся исторія демократическаго съѣзда ярко напоминаетъ мнѣ «дѣловитаго мукомола».

Собирались люди на частныя совѣщанія, спорили, агитировали, выбирали демократическихъ делегатовъ, тѣ бросали всѣ свои дѣла, летѣли въ Петроградъ, набивали снизу доверху Александринскій театръ, опять спорили, шипѣли, перекорялись, инсинуировали, говорили благородныя слова, горѣли, потѣли, пыхтѣли, хлопотали, аплодировали, «сконструировали» власть, дали народу правительство — и что же?

Выстроили люди огромную мельницу въ пустынь Калахари.

Совѣмъ, какъ тамъ: и мельница есть, и машины, и служащіе, и рабочіе, и электрическая энергія, — а муки для помола нѣтъ.

Потому — гдѣ же въ Калахари зерно? Кромѣ дикихъ львовъ, никого и ничего.

Такъ и въ нашей россійской Калахари: все есть — и

правительство, и комиссары, и уполномоченные, а слушаться и исполнять распоряженія некому. Никто не хочетъ.

Стоитъ огромная, созданная по послѣднему слову науки мельница, а работы нѣтъ. Никто не хочетъ идти молотъ. Всякій самъ молотъ хочетъ.

И чешетъ себѣ директорія затылки до крови:

— Ну, и публика! Не стоитъ и рублика.

А наиболѣе добродушные ухмыляются:

— Комики въ нашемъ домикѣ.

* * *

И распорядился главный мукомоль:

— Хотя и нѣтъ зерна, а вы все-таки пустите мельницу въ ходъ. Пусть хоть для Европы будетъ видимость, что работаетъ.

Завертѣлись колеса, замелькали шестерни, зашуршали приводные ремни — посыпались распоряженія, резолюціи, приказы и уговоры — только все въ пустую: зерна-то между жерновами и нѣтъ.

Мнѣ представляется, что работа нашего кроткаго благодушнаго Правительства происходитъ такъ:

Получилось извѣстіе о томъ, что въ Аткарскомъ уѣздѣ крупныя беспорядки и погромы.

Собралось Правительство, обсудило, вынесло рѣшительное постановленіе:

«Прекратить беспорядки, не останавливаясь передъ примѣненіемъ вооруженной силы!»

Составили телеграмму аткарскому комиссару и вотъ уже одинъ изъ министровъ вышелъ изъ зала засѣданій и вотъ уже онъ зоветъ курьера:

— Вотъ, голубчикъ, снеси на телеграфъ, сдай.

— А что это за телеграмма? — скептически спрашиваетъ курьеръ.

— Телеграмма, голубчикъ. Аткарскому комиссару. О подавлении беспорядковъ, голубчикъ, вооруженной силой.

— Позвольте, — говоритъ голубчикъ. — Какъ такъ вы меня посылаете сдать телеграмму, съ которой я не согласенъ?!

— Но вѣдь ты, душечка, одинъ, а насъ было десять человекъ, которые вынесли эту резолюцію.

— Что значить, одинъ? А за мной, можетъ, стоитъ весь организованный пролетаріатъ! Я, можетъ быть, пятьдесятъ миллионъ собою представляю. А вы мнѣ резолюціей въ носъ тычете! Да я вамъ могу такую резолюцію вынести...

— Но вѣдь пойми, мамочка, что мы не можемъ ждать вашей резолюціи... Вопросъ слишкомъ экстренный.

— И ждать не надо, — лихо подмигнувъ, говоритъ мамочка. — Вотъ отойду въ тотъ уголокъ, посоветуюсь самъ съ собой, проголосую и вынесу резолюцію!

И дѣйствительно: идетъ сознательный пролетарій въ уголокъ, перешепнется самъ съ собой и уже, глядишь, подноситъ резолюцію, нацарапанную на клочкѣ бумажки:

«Какъ эти самые, которые корниловцы, хотятъ производить насилія надъ организованной аткарской демократіей, то, считая это противнымъ интернаціонала, не понесу телеграммы, хоть ты тутъ лопни! Требую также мира на основѣ федеративной социологической классовой повинности буржуазіата. Представитель организованныхъ курьеровъ Еремѣй Загвоздакинъ».

— Такъ не пойдешь? — уныло спрашиваетъ министр.

— И очень просто.

— Ну, и не надо. Подумаешь! И не нуждаемся. Самъ пойду.

Надѣвъ пальто и шапку, бредетъ кроткій печальный министр на телеграфъ...

— Примите, товарищъ, телеграмку.

— Вотъ эту? Извините, не могу принять.

— Почему же, товарищъ-телеграфистъ? Телеграмка, ей Богу, очень важная.

— Нѣтъ, не приму.

— Пожалуйста, объясните...

— Да и объяснять нечего! У меня въ Аткарскѣ братъ въ запасномъ полку служить. А вы пишете — усмирять ихъ «не останавливаясь передъ вооруженной силой»...

— Ну?..

— Ну, вдругъ во время усмиренія моего брата возьмутъ да ранятъ — пріятно это мнѣ будетъ?

— Но, можетъ быть, и не ранятъ, товарищъ?

— Да, всё вы такъ говорите. А потомъ ранять, что съ васъ возьмешь? Знаемъ мы васъ, безотвѣтственную демократію. Нѣтъ ужъ, увольте. Не приму.

* * *

— Ничего не подѣлаешь... — кротко шепчетъ министр, поднимая къ небу страдальческіе глаза. — Придется самому ѣхать въ Аткарскъ. Какъ-никакъ — цѣлый городъ гибнетъ...

На вокзалѣ:

— Товарищи! Нуженъ мнѣ экстренный поѣздъ до Аткарска. Изъ одного паровоза и изъ одного вагона.

— Хотя одинъ вагонъ, хоть сто — все равно не дадимъ.

— ??!..

— Бастуемъ.

— Чего жъ вы требуете?

— Сто рублей на брата.

— За что?

— Вообще, сто рублей. Всѣ берутъ, чего жъ намъ звать?..

— Да за какой срокъ вы хотите получить? За годъ, за мѣсяцъ или такъ — одновременно?

— И за годъ хотимъ, и за мѣсяцъ... Но, конечно, и одновременно тоже хорошо получить.

— Такъ какъ же... не дадите паровозика?

— Отъ имени организованнаго пролетаріата говоримъ вамъ: проваливайте. Тутъ забастовка, а онъ съ пустяками.

«Придется на велосипедѣ ѣхать, — думаетъ про себя кроткій министр. — Что жъ поѣду. Не мы первые, не мы послѣдніе».

* * *

Черезъ три недѣли — въ Аткарскѣ.

— Ну, что, зачинщики мятежа арестованы?

— Арестованы, какъ же. Прокуроръ арестовалъ.

— Позовите прокурора.

— Да прокуроръ тоже арестованъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Кто его арестовалъ?

— Комитетъ по борьбѣ съ контръ-революціей.

— Позовите ко мнѣ президіумъ этого комитета.

— Нельзя. Онъ арестованъ.

— Кѣмъ?!

— Мѣстнымъ исполнительнымъ комитетомъ с. р. и с. д.

— Ну, зовите сюда исполнительный комитетъ.

— Онъ арестованъ мѣстной армейской организаціей.

— Чортъ васъ возьми! Ну, зовите эту организацію!

— Мятежную-то? Вѣдь она мятежная. Я же вамъ докладывалъ, что она арестована прокуроромъ.

— Да почему же ихъ никто не освобождаетъ?

— Некому. Арестовывали, арестовывали другъ друга — да до того доарестовывались, что замкнули кругъ, такъ и сидятъ всѣ.

— Да комиссаръ есть у васъ?

— Есть. Только онъ большевикъ. Онъ сидитъ вмѣстѣ съ борцами съ контръ-революціей.

— Позвольте! Есть же какая-нибудь правомочная организація, къ которой бы я могъ обратиться?!

— Не арестованная? Есть. Общество для изученія красоты аткарскихъ окрестностей. Только она, больше, г. министр, въ девятку жарятъ. Если желаете перекинуться — съ удовольствіемъ.

— Да беспорядки-то еще продолжаются, или какъ?

— Что вы. Давно прекратились...

— Кто же ихъ прекратилъ?

— Два гимназиста. Взяли по винчестеру, залегли въ воротахъ и стали стрѣлять въ бунтующихъ. Тѣ испугались и убѣжали. Тѣмъ попромъ и кончился.

* * *

Читатель! Великъ Богъ земли русской! И пока на стражѣ твоего спокойствія, читатель, стоятъ два мужественныхъ аткарскихъ гимназиста съ винчестерами въ рукахъ — можешь спать спокойно, читатель.

А Правительство?

Стоитъ въ пустынь Калахари мельница, и суетливо вертятся маховики и приводные ремни.

Только одинъ недостатокъ — зерна нѣтъ, чортъ его возьми!

Арк. Аверченко.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ УГОЛОКЪ.

Рай... Подумаешь: сласть!

Нѣтъ, вотъ — въ адъ бы попасть!

Пусть тамъ дьявольскій зной,

Пусть у крючьевъ хвосты,

Да нужды дровяной

Не узнаешь тамъ ты!

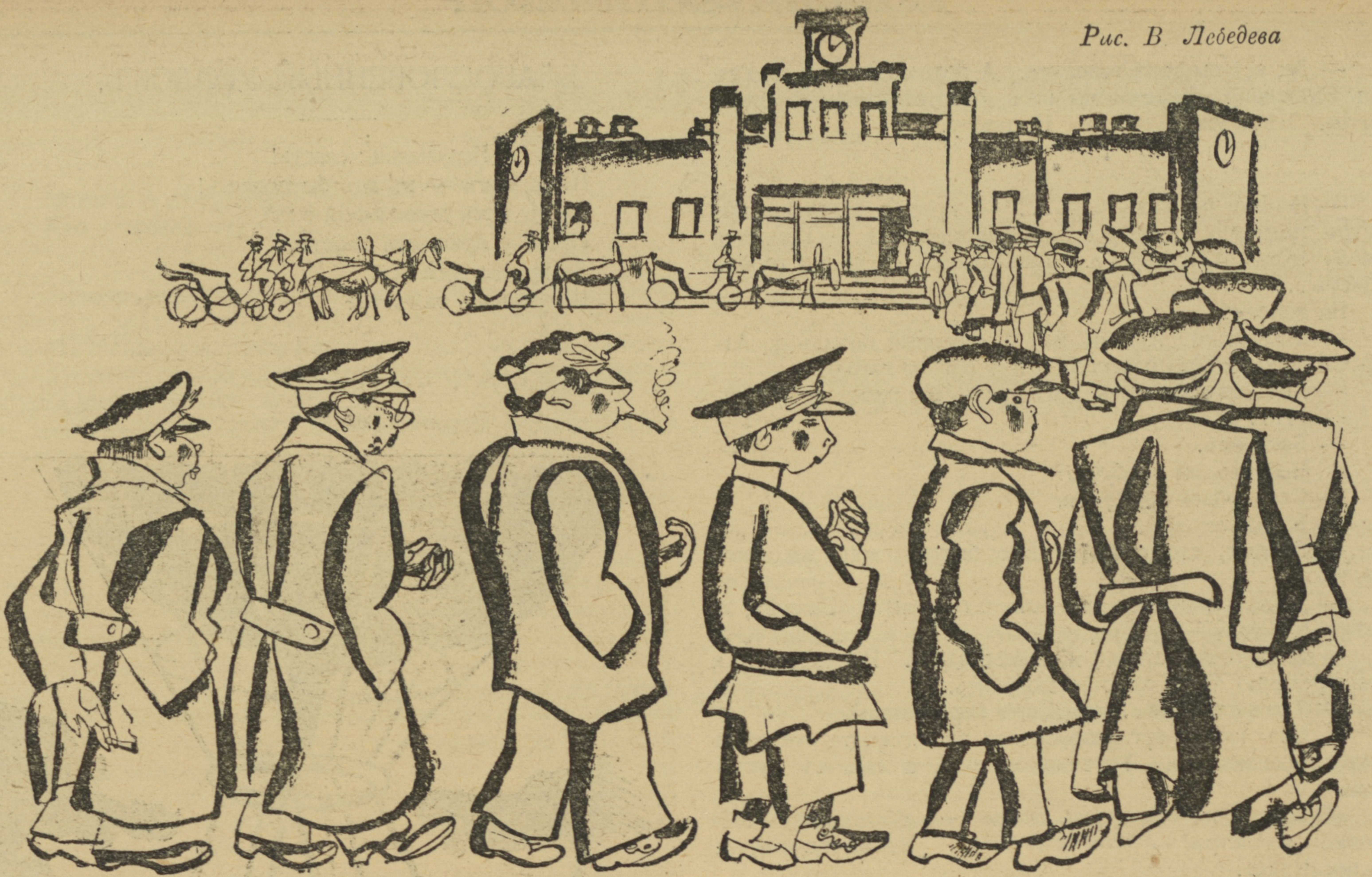
Теткинъ.

Рис. Радлова.

НЕНУЖНЫЙ БАЛЛАСТЪ.

— ... А Россію можно выбросить. Тогда мы поднимемся еще выше!

НАКОНЕЦЪ — СПРОСЪ.

Узнавъ, что въ Финляндіи за 80 марокъ даютъ сто рублей, гимназисты принесли на продажу всѣ кропотливо собранныя марки.

О К Т Я Б Р Ъ.

Всю ночь кружился снѣгъ и мутный,
Онъ умиралъ на мостовой.
Я шель по улицѣ минутный
Возлюбленный властитель твой.
Купилъ тебя и знать — моею
Ты будешь скучною рабой,
Затѣмъ, что я могу и смѣю
Ласкать тебя и быть съ тобой.
Въ гостиницѣ дешевой вяло
Ты отдалась мнѣ, какъ другимъ.
Обрядъ любви свершилъ — устало
Надъ тѣломъ блеклымъ и нагимъ.
Свѣча оплывшая горѣла,
И было горько и смѣшно,
Что вновь ненужно и умѣло
Тобою было свершено.
Не спали, но молчали жутко
И ждали — пусть забрезжитъ свѣтъ.
Ты, — уличная проститутка
И я, — мечтатель и поэтъ.
Упреки глупые бросаю,
Тревожилъ вѣтеръ злую мглу.
Ты подошла къ окну босая,
Прильнула къ влажному стеклу
И видѣла: въ оконной рамѣ,
Тусклѣй ночного фонаря
Внѣсь поднималось надъ домами
Смѣшное солнце октября!

Юрій Зубовскій.

ОЧЕНЬ СКВЕРНАЯ СКАЗКА.

Ихъ двое. И работаютъ они вмѣстѣ. Одинъ — высокаго роста, довольно коренастый мужчина... Впрочемъ, вы, навѣрное, догадаетесь объ ихъ наружности и вспомните ихъ біографію, если я назову ихъ имена.

Одного зовутъ Каинъ, а другого Хамъ.

Какъ они добрались до Россіи, — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ въ одинъ хмурый день, когда на улицахъ началась трескотня пулеметовъ, они остановились на углу большой людной улицы, весело улыбнулись и пожали другъ другу руки.

— Ну-съ, прощевай, Хамъ...

— Всего хорошаго, Каинъ. Работать, такъ работать.

Каинъ пошелъ направо, Хамъ налево. Дошли до крайнихъ предѣловъ своего пути и начали работать. Ежедневно, пробѣгая газеты, я вижу ихъ работу. Большой солидарности я никогда не видѣлъ.

Вотъ гдѣ-то въ далекомъ заброшенномъ углу поволжья, или приуралья начинаетъ работать Хамъ. Ведетъ полупьяную банду, спаиваетъ ее еще, врывается съ ней въ чей-то домъ, грабитъ, убиваетъ, насилуетъ.

А Каинъ уже пристроился въ центрѣ. Слышитъ о Хамовой работѣ и радостно оповѣщаетъ о ней:

— Началось. Кровашкой запахло. Знаемъ мы, кто настоящій виновникъ. Вотъ онъ...

И тянется грязной палецъ въ сторону чистаго человѣка. Хамъ любитъ кровь, но много ее ему изъ Россіи высасывать не удастся: высосана.

Убьетъ Хамъ слѣпого старикашку, а Каинъ уже за него дѣло додѣлываетъ:

— Массовое убійство стариковъ на Кавказѣ. Скоро у насъ будетъ.

И оба словесностью занимаются. Хамовы агенты ходятъ и кричатъ:

— Интеллигентъ? Ага, буржуй, кровопійца, крахмалькой прикрывается... У, рѣзать будемъ...

А Каиновы ребята въ отвѣтъ:

— Солдатъ? Рабочій? У, предатель, разбойникъ, дѣторѣзь... Стрѣлять будемъ...

И такая дружная работа пошла, что диву всѣ дались. Соберутся разумные люди и говорятъ:

— А что, братцы, кто у насъ на улицѣ вредный чловѣкъ?

— Купецъ Ермышкинъ вредный. Потому на войнѣ

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко

„Подходцевъ и двое другихъ“

повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ба-а-лышую денгу наживаетъ и за долгую кровь стоить, по-
этому...

— Урезонить купца...

А ужъ тутъ Хамовъ другъ вмѣшивается:

— Урезонь его, попробуй... А тетку его не надо? А
жильца его не надо? А купцовыхъ знакомыхъ не надо?
Рѣжь ихъ, и всякій товаръ дешевле будетъ...

Шевелится народъ, съ ноги на ногу переминается: рѣ-
зать ужъ очень не хочется. Сами понимаютъ, что какъ
сговориться, да законъ такой выдумать, — скиснетъ Ермыш-
кинъ-купецъ и драть не смѣетъ.

А въ купцовомъ семействѣ спять разговоръ.

— И кто это у насъ на улицѣ вредный?

— Безпремѣнно Громыхаловъ — рабочий. Отъ него и за-
раза. Виданное ли дѣло, чтобы неумытое рыло по тридцати
рублевъ въ день зарабатывалъ...

— Урезонить его надо.

— Пойди, урезонь... Сосѣди за него, дворники за не-
го, полотеры за него...

А Каиновъ пріятель уже въ окно стучить:

— Стрѣлять, стрѣлять надо во всѣхъ нихъ...

И мнется семейство купцово, — боязно стрѣлять-то. А
можетъ хлѣбъ-то да мясо подешевѣетъ, такъ онъ и за три
рубля Громыхаловъ-то работать станеть... А ужъ шепталъ-
щики скандалъ въ переулкѣ затѣяли:

— Зарѣжемъ!

— Разстрѣляемъ!

— Мы раньше!

— Нѣтъ, мы раньше...

И дивится народъ русскій: фронтовую кровь унимаючи,
кому это еще крови тыловой хочется?

На каждое собраніе пробираются Хамовы да Каиновы
друзья-пріятели.

— Долой министра! —
кричатъ други Хамовы. — Да-
вай такого, чтобы всѣмъ бур-
жуямъ крышка! Безъ нихъ
обойдемся...

А съ другого бока тоже
голоса источникъ:

— Долой министра! Да-
вай такого, чтобы всѣхъ не-
умытыхъ разнести! Не призна-
емъ за людей...

И плачутъ людишки тря-
сучіе, которымъ покоя хочет-
ся.

Одинъ побѣдить — рѣзать
обѣщается. Другой побѣдить —
стрѣлять будетъ. И узнаютъ
люди трясучіе, что и первый
ножъ имъ и первая пуля имъ.

Одежка обносилась,
брюхо испустѣло, ноги обмо-
золились, — мира хочется, а
работнички — Каинъ съ Ха-
момъ ужъ тутъ какъ тутъ.

— Наше дѣло малень-
кое, — кричитъ Хамъ, — впу-
щу врага, вотъ тебѣ и миръ.

— Наше дѣло малень-
кое, — кричитъ Каинъ, — за-
тяну войнищу года на три еще,
и мириться некому будетъ.
Взяли?

И я человекъ грѣшный до
покоя и тишины охочій, каж-
дый день вижу Каиново да Ха-
мово личики и пугаюсь. Развѣ
я знаю, чѣмъ это кончится?

Л. Аркадскій.

КАФЕ-ПЕССИМИСТЫ.

По вечерамъ, въ пылу азарта,
Они за столикомъ въ кафе
Ждутъ не дождутся Бонапарта
И призываютъ Галифѣ.

Кричатъ: «Необходима спайка,
Иначе — гибель и разгромъ».
И утверждаютъ, что нагайка
Порою дѣйствуетъ, какъ бромъ.

И оттого пришла невзгода,
Что Русью править санкиолотъ.
И столь хваленная «свобода»
Растлила армию и флотъ.

И что солдатъ, какъ вольный штатскій,
Не отдаетъ начальству честь.
Что вкусный «ротсбифъ по-казацки»
Имъ не мѣшало бѣ предпочесть.

И въ дымномъ заревѣ пожараищъ
Странѣ готовятъ тѣсный гробъ...
Отъ надобывшаго «товарищъ»
Бросаетъ всякаго въ ознобъ.

Увы, не будетъ дней веселыхъ —
Ихъ свѣтъ для насъ навѣкъ потухъ:
Читали — въ городахъ и селахъ
Гуляетъ пурпурный пѣтухъ...

Какъ переливы бриллиантовъ,
Померкла радость на Руси...
... Но о продѣлкахъ спекулянтовъ,
Ни звука, — Боже упаси!

И страхъ въ душѣ приемля велій,
Они, зовя въ защиту плетъ,
Въ кафе за вечеръ поправѣли,
Чтобъ завтра больше поправѣть...

Жакъ-Нуаръ.

ЗАБОРТОМЪ.

— Подайте, Христа ради, безработному прокурору!..

— Да почему же ты безработный, милостивецъ?

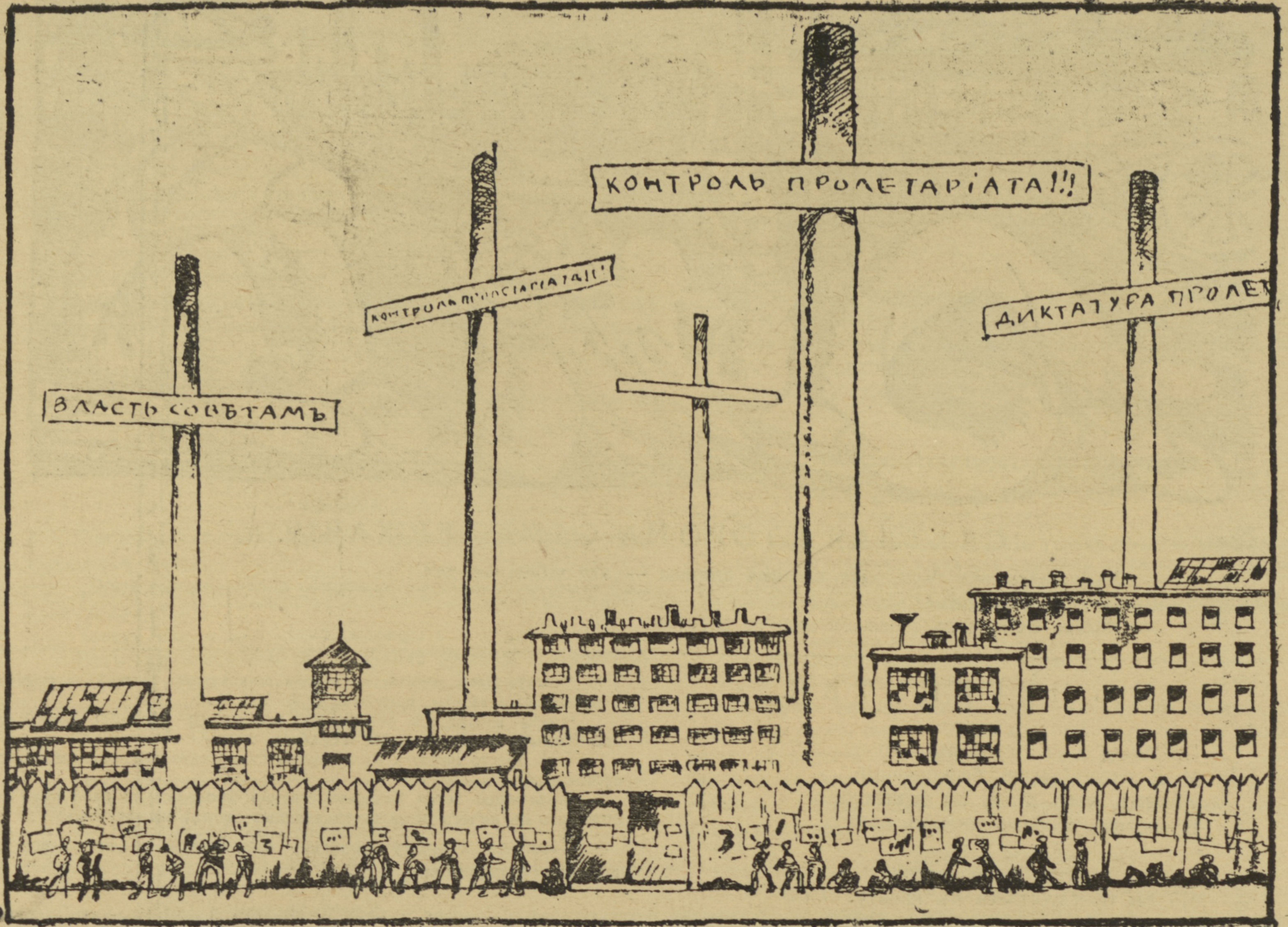
— А теперь всюду самосуды пошли, вотъ мы, судебная власть, и ходимъ
безъ работы...

БУРИДАНОВЪ ОСЕЛЬ РУССКОЙ ВЛАСТИ.

Все время колеблется между двумя вязанками сѣна: „красной гвардіей“ и „дикой дивизіей“.
(Какъ извѣстно, настоящій Бурдановъ осель такъ и умеръ съ голоду, не сдѣлавъ выбора)

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

При дневномъ освѣщеніи.

Она же — при вечернемъ освѣщеніи.

СВѢТЛАЯ СТОРОНА САМОДЕРЖАВІЯ.

- Въ самодержавіи была одна хорошая сторона — это табельные дни.
- Почему, товарищъ?
- Можно было и въ табельные дни не работать.

НА ПЕРЕПУТЬИ.

Привыкли мы къ слезамъ и крови,
И въ этомъ ужасъ безконечный.
Живемъ, какъ дѣти, мы безпечно,
Въ поляхъ свободы топчемъ нови.

Гудитъ набатъ бѣдой великой,
Но мы прислушались къ набату.
Мы не спѣшимъ на помощь брату.
Мы стали всѣ толпой безликой.

И что страна родная въ мукѣ,
Въ смертельной мукѣ, мы не чуемъ.
Мы, какъ въ гостиницѣ ночуемъ,
И развлекаемся отъ скуки...

Ждемъ лошадей на перепутьи;
Торгуясь, споримъ съ ямщиками...
О, Русь! ужель висятъ надъ нами
Еще и батога и кнутья?!

Филаретъ Черновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Хроника народнаго просвѣщенія.

Не успѣлъ еще новый министръ народнаго просвѣщенія опубликовать свою программу, какъ провинція стала проводить въ жизнь свою.

По сообщенію газетъ:

— Союзъ квартирнанимателей г. Томска вошелъ къ Г. И. К. съ просьбой организовать во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уроки по обученію учащихся починкѣ обуви. Учащіеся легко въ одну недѣлю выучатся ставить заплатки, а въ 2—3 недѣли подкладывать подметки и набойки.

Дѣти, конечно, народъ воспримчивый и при извѣстномъ педагогическомъ тактѣ ихъ можно выучить и вышивать крестикомъ и пилить дрова, только для чего открывать гимназіи, если подкладывать подметки и набойки легче научиться въ сапожныхъ мастерскихъ. Дешевле и скорѣе.

Русскій способъ.

Сохраненіе продуктовъ во время ихъ перевозки на мѣста продажи — довольно сложная наука. Иностранцы придумывали вагоны-холодильники, вагоны-цистерны и еще много способовъ, но сообразительный русскій человѣкъ до всего додумается простымъ способомъ и нѣтъ ему равныхъ въ изобрѣтательности.

Одна петербургская газета рассказываетъ:

На вокзалахъ утромъ, когда съ поѣздами приѣзжаютъ молочницы, поднимается настоящае столпотвореніе.

На каждую молочницу набрасывается толпа человѣкъ въ 50 и начинаетъ атаковать.

Между тѣмъ многія молочницы доставляютъ молоко въ разныя учрежденія: лазареты, приюты и т. д.

Чтобы избавиться отъ толпы, молочницы изобрѣли довольно остроумный, по ихъ мнѣнію, способъ.

Онѣ просто плюютъ въ кувшины съ молокомъ, и толпа отъ нихъ отскакиваетъ...

Молочницы тогда безпрепятственно продолжаютъ свой путь съ молокомъ къ ничего не подозревающимъ своимъ заказчикамъ.

Судя по старому режиму, оплеванное у насъ всегда дольше сохраняется.

Крестьянство.

Неудобно имѣть большую рыжую бороду и, даже не сбривъ ея, заявлять на публичномъ собраніи:

— Мы, молодая дѣвушка нашего подрайона, требуемъ... Ленинъ, выступающій теперь на страницахъ „Рабочаго Пути“ игнорируетъ это мудрое правило и весело декларируетъ:

Во имя чего мы, рабочіе и крестьяне, должны признать это священное право?

Если Ленинъ считаетъ себя сразу и рабочимъ и крестьяниномъ только потому, что ему удалось вмѣстѣ съ Зиновьевымъ не явиться на судъ, это большое заблужденіе. Это называется не крестьянствомъ, а совсѣмъ иначе.

Защита искусства.

Оказывается, что не всегда призывы Временнаго Правительства къ населенію столицы оказываются безрезультатными.

Такъ, стоило только ему обратиться къ населенію съ просьбой помочь нормальному ходу эвакуаціи, какъ уже

13 сентября летучій отрядъ уголовной милиціи задержалъ на Коломенской ул. двухъ солдатъ, Афанасьева и Степанова, пытавшихся скрыться съ двумя похищенными картинами. Въ отобранныхъ картинахъ опознаны: икона кисти Корреджіо и драгоценный образъ, исчезнувшіе въ числѣ другихъ рѣдкостей изъ ограбленнаго около мѣсяца тому назадъ музея вел. князя Михаила Николаевича.

Такая трогательная забота населенія о сокровищахъ искусства и боязнь оставить ихъ въ эвакуируемомъ городѣ прямо поражаетъ. Когда-то Некрасовъ мечталъ о времени, когда съ базара понесутъ Бѣлинскаго и Гоголя. Теперь уже и Корреджіо понесли. Жаль только, что не съ базара, а на базарь.

Логика выше всего.

Единственный человѣкъ въ Россіи, которому никто не отказывается въ удовольствіи предъявить обвиненіе, это А. Ф. Керенскій.

„Новая Жизнь“ съ видомъ сочувствія печатаетъ такія строки:

Исполнительный комитетъ могилевскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что ни одинъ изъ чиновъ ставки не только высшихъ, но и низшихъ не смѣненъ и не замѣненъ другими лицами, исключая арестованныхъ 22 человѣкъ, покуда еще никѣмъ не замѣненныхъ.

Никто не смѣненъ, исключая 22 арестованныхъ, это звучитъ классически. Очевидно, авторъ заявленія полагаетъ, что арестъ — это повышение по службѣ, или, по крайней мѣрѣ, похвальный отзывъ за плодотворную дѣятельность.

Дождались.

Добрых двѣ трети нашихъ газетъ, не умѣющихъ отличить хамократіи отъ демократіи, въ порывѣ нападковъ на послѣднюю и ея боевую часть — армію, дошли до такого все-россійскаго самооплеванія, что защищать Россію приходится иностранцамъ:

Извѣстный военный корреспондентъ англійскихъ газетъ Уорнеръ Алленъ на основаніи свѣдѣній изъ авторитетныхъ источниковъ сообщаетъ, что германцы держатъ 140 дивизій на западномъ фронтѣ и 92 на восточномъ. Алленъ заявляетъ, что количество германскихъ дивизій на русскомъ фронтѣ еще никогда не было столь значительно.

Это написано въ отвѣтъ на цѣлый рядъ статей нашихъ военныхъ обозрѣвателей, что вся германская армія на западномъ фронтѣ, а противъ насъ чуть ли не двѣ полковыхъ германскихъ кухни вмѣсто арміи.

Вообще не хорошо оплевывать себя, но когда эти плевки съ собственного лица начинаютъ вытирать чужой человѣкъ — это уже совсѣмъ позорно.

Гранды.

Только у испанцевъ бываютъ такія длинныя протяженно-сложенныя имена:

„Донъ - Хозе - Марія - Перець - Кастело-де-ла-Маре-Мендоза-ди-Хуарець“.

Теперь они, этакія имена, появились и у „русскихъ“.

Вотъ подлинное имя руководителя русской организованной лѣвой демократіи — Зиновьева (заимствуемъ изъ прокурорскаго документа о поимкѣ „вождя“):

— Овсѣй - Геридъ - Ароновичъ Апфельбаумъ - Зиновьевъ-Радомысльскій.

Эту длинную фамилію на русскій языкъ можно перевести такъ:

— Петръ Савельевъ Неуважай Корыто.

„Фрукты“.

Петроградская продовольственная управа — вотъ авторъ записи въ Чеховской „Жалобной книгѣ“:

— Лопай что даютъ.

Вотъ что по милости продовольственникоевъ долженъ лопать петроградецъ.

За 22 число прибыло въ Петроградъ по официальнымъ даннымъ:

крупы 1 вагонъ, пшеничной муки 4 ваг., хлѣбныхъ грузовъ 2 ваг., рогатаго племенного скота 4 в.г., прочаго скота 2 ваг., птицы живой 17 ваг., рыбы 1 ваг., рафинада 7 ваг., соли 1 ваг., даже такихъ продуктовъ какъ картофель — 3 ваг. и капусты 2 ваг., огурцовъ, правда 47 ваг., а вотъ фруктовъ... 44 вагона!

Чтобъ они провалились эти 44 вагона фруктовъ!

Мы сыты и тѣми фруктами, которые ведутъ продовольственное дѣло!

Только!!!

Оказывается, по мнѣнію выборгскаго исполн. комитета газеты подняли много шума изъ ничего:

Исп. комитетъ выборгскаго совѣта с. и р. депутатовъ сообщаетъ, что въ виду появившихся въ печати самыхъ нелѣпыхъ свѣдѣній, передающихъ все въ крайне преувеличенномъ видѣ, онъ считаетъ долгомъ поставить въ извѣстность, послѣ тщательной провѣрки, что убиты только (!) генералы — Орановскій, Степановъ и Васильевъ; полковники — Дувинъ, Максимовичъ, Карповичъ, Бородинъ, Кюрнеусъ; подполковникъ Глиндичъ, подпоручики — Хапцовъ и Куксенко и солдатъ Курчаковъ.

Только и всего? Сущій пустякъ.

А мы-то думали...

Ну, значить, все слава Богу.

Убито „только“ 12 человѣкъ... Двѣнадцать мучениковъ на десятокъ тысячъ мучителей — да вѣдь объ этомъ и писать не стоитъ!..

В. Ц. И. К. С. и С. Д.

Le Roi est morte... — въ переводѣ это значить: цензура издохла — да здравствуетъ цензура И. К. С. Р. и С. Д.!

„Рѣчи“, доставленъ слѣдующій документъ:

Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Петроградъ 1 сентября 1917 г. № 9726.

Въ свѣтъ старость товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ.

Временный военный комитетъ постановилъ выпускъ листка „Какъ нѣмцы большевика на Россію выпускали“ задержать.

Предсѣдатель (подпись) Филипповскій.

(м. п.) Секретарь (подпись)

Документъ не совсѣмъ ясенъ.. Вѣдь запрещенная карикатура называется:

„Какъ нѣмцы большевика на Россію выпускали“ за что же, за кого заступается Исп. Комитетъ:

1) За Россію?

2) За большевиковъ?

3) За нѣмцевъ?

Господинъ Филипповскій! Намъ бы очень хотѣлось прямо и пристально взглянуть въ ваши глаза. Мы думаемъ, что едва ли вы бы выдержали нашъ открытый взглядъ... Думаемъ, что вѣки ваши опустились бы сами собой.

Стыдно, г. Филипповскій! Вѣдь вы, судя по фамилии, все-таки русскій!

Двойственность характера.

Сотрудникъ „Биржев. Вѣд.“ приводитъ свою бесѣду съ инспекторомъ петроградской милиціи:

— Какой образовательный цензъ установленъ для комиссаровъ?

Нашъ собесѣдникъ засмѣялся горькимъ смѣхомъ и охарактеризовалъ образовательный стажъ одного изъ своихъ коллегъ.

— Мы, комиссары, сообщаемся между собою телефонограммами. Читаю одну изъ такихъ телефонограммъ за подписью одного помощника комиссара и глазамъ не вѣрю.

На ней было буквально слѣдующее:

„Пропала лошадь женскаго пола“.

Смѣшной народъ эта милиція! Съ одной стороны, они настолько застѣнчивы и скромны, что вульгарную кобылу мягко называютъ „лошадью женскаго пола“, а съ другой стороны, грабятъ и рѣжутъ населеніе (см. рядъ недавнихъ случаевъ) такъ, какъ не снилось и подлиннымъ сибирскимъ жиганамъ.

Понялъ Маркса.

Въ саратовской думѣ гласный — большевикъ Антоновъ показалъ не только свое національное лицо, но и нѣчто лицу противоположное...

Онъ кричалъ на засѣданіи:

„Классовая борьба не танцы въ тургеневское время... Это значить: бери рукою за горло, а коленною — на грудь. Вотъ что значить классовая борьба. Вотъ Марксъ и говоритъ о ней“...

Такъ тонко понять Маркса могъ только большевикъ.

Если большевикъ Антоновъ услышитъ лермонтовское:

... У Казбека съ Шать-горою

Былъ великій споръ —

Онъ, мы знаемъ, скажетъ очень увѣренно:

— Споръ? Это, значить, другъ друга по мордѣ били. Вотъ какъ надо понимать Лермонтова!

Напрасно, очень напрасно Ной бралъ въ свой ковчегъ вмѣстѣ съ чистыми и нечистыхъ животныхъ...

Проманулся старичекъ.

ДЛЯ ЛЕГКОСТИ

Съ легкой руки «Искосола», «Румчерода» и др. въ бытъ вошла масса чрезвычайно удобныхъ сокращеній. Для того, чтобы ознакомить съ ними широкую публику, которая сможетъ воспользоваться ими и облегчить языкъ отъ переутомленія его длинными фразами, помѣщаемъ наиболѣе цѣнныя изъ нихъ.

Мерзконедъ — мерзавецъ, который не отдаетъ долгъ.

Упоканенъ — уйди, пока не поздно.

Эмежаневъ — это моя жена, а не ваша.

Охнекобъ — опять хлѣба нѣтъ! когда же будетъ!

Центрохамъ — любое изъ учреждений, которое не нравится произносящему это слово.

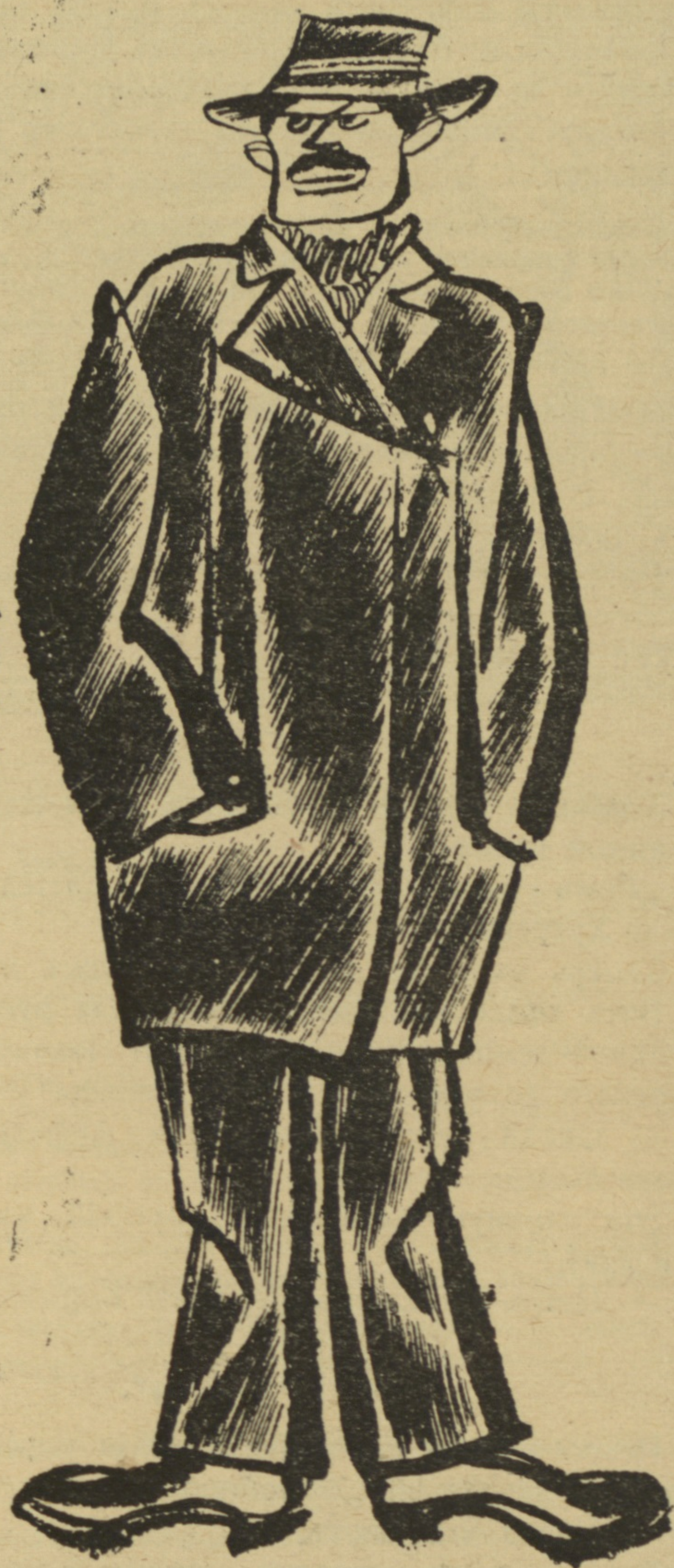
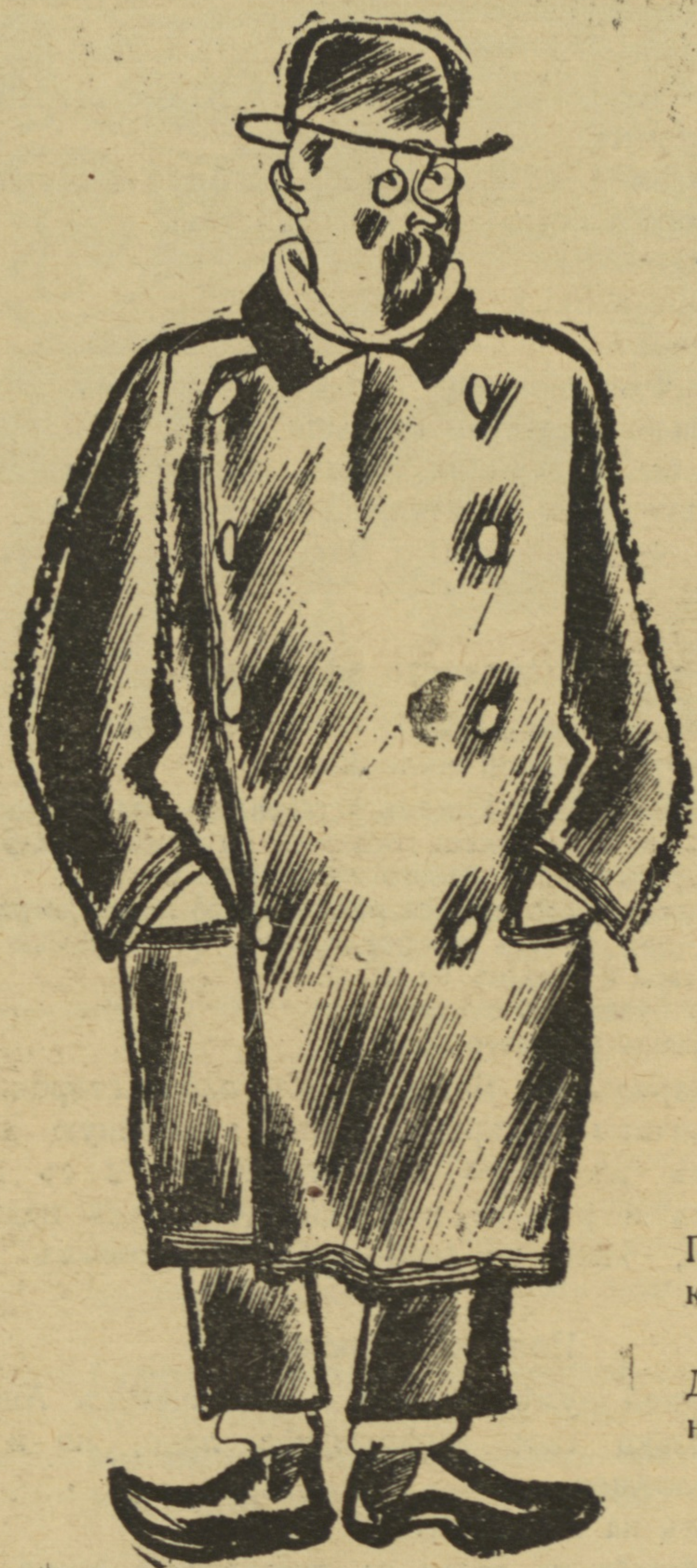
Кафехлопъ — жульническая сдѣлка, происходящая въ кафѣ.

Вогасребдъ — возмутительный грабежъ среди бѣлаго дня.

Ктыенешъ — Какъ! Ты еще не ушелъ?

Л. Аркадскій.

ДВѢ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Буржуй: — Казачій кругъ? Помилуйте! Да это спасательный кругъ для Россіи.

Пролетарій: — Казачій кругъ? Да это петля на шею сознательному пролетариату!..

И С П О В ъ Д Ь.

Я, нижеподписавшійся, очень люблю республику. И хотя въ этомъ неудачномъ флиртѣ я не разъ получалъ неопровержимыя доказательства отсутствія какой бы то ни было взаимности, — моя односторонняя любовь тянулась цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. За это время — до 28 февраля 1917 года, мнѣ, какъ тайно влюбленному, пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ. Всякій гимназистъ прекрасно знаетъ, какъ тяжела любовь безъ взаимности и сколько тяжелыхъ заботъ причиняетъ она несчастному влюбленному. Любовь къ республикѣ, какъ это извѣстно всѣмъ русскимъ гражданамъ, была сопряжена съ массой тихихъ и громкихъ неприятностей. Мимолетныя свиданія заканчивались хлопотливыми переездами въ уединенныя сѣверныя санаторіи, а несчастная любовь такъ портила нервы, что врачи, почему-то носившіе синіе мундиры, вмѣсто валерьяновыхъ капель прописывали абсолютный покой въ уединенныхъ, зарѣшетченныхъ амбулаторіяхъ. Подобно многимъ влюбленнымъ республиканцамъ въ теченіе тринадцати лѣтъ я могъ повторять прекрасныя слова: «Любила я, страдала я» и т. д.

Съ 1 марта 1917 года благодаря вмѣшательству добрыхъ солдатъ и прекрасныхъ рабочихъ, моя тайная любовь увѣнчалась признаніемъ, и я, какъ и всѣ полтора миллиона російскихъ гражданъ, вступилъ въ законный бракъ съ своимъ предметомъ.

Въ военное время пировать не приходится. Свадьбу справили очень скромно, и послѣ холодной закуски, добытой въ очередяхъ, я приступилъ къ брачному сожителству съ обожаемой мною, столь долго меня отвергавшей, красавицей республикой.

Въ настоящее же время, послѣ тринадцатилѣтней любви, послѣ вздоховъ и страданій, я пришелъ къ заключенію, что именно я, а вовсе не Пуришкевичъ и не Марковъ, именно я — гнусный контръ-революціонеръ. Долго время я не вѣрилъ этому ужасному открытію, этому преступному адюльтеру, совершенному мною по отношенію къ нѣжно любимой республикѣ. Но факты, могущественные факты, — словно

полѣномъ по головѣ, — ударяютъ меня, убѣждая, что именно я — контръ-революціонеръ.

Провѣривъ это тяжелое открытіе, я считаю своимъ долгомъ оповѣстить о немъ въ печати. Мало что можетъ случиться! Вѣдь рассказываютъ же, что раскаивающіеся преступники часто берутъ бритву и бреютъ себѣ сонную артерію...

Разсмотрѣвъ различные органы печати, я составилъ себѣ точное представленіе, что такое контръ-революціонеръ. Правда, не всѣ газеты даютъ свои опредѣленія въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, но развѣ недостаточно хотя бы одной газеты, чтобы честно покончить съ собой? Я приведу нѣсколько опредѣленій:

«Новая Жизнь». Контръ-революціонеромъ — утверждаетъ эта газета, — является всякій, кто — а) не считаетъ Ленина самымъ мудрымъ и честнымъ гражданиномъ Старого и Нового свѣта; б) не считаетъ Стеклова наилучшимъ кандидатомъ на постъ вселенскаго патріарха; в) признаетъ, что хотя война и ужасная вещь, но все-таки солдаты предназначены для сраженій, а не для продажи букетовъ, папиросъ, браунингсвъ, чулковъ и прочихъ мелкихъ предметовъ домашняго обихода; г) не хочетъ воевать съ Англійей ради самоопредѣленія суданскихъ негровъ.

«Рабочій Путь». Эта газета считаетъ контръ-революціонеромъ всякаго, кого — а) прослушалъ курсъ двухъ классовъ мужской гимназіи; б) знаетъ, что Дарданеллы — проливъ, а не банкирская фирма; в) знаетъ, что Гинденбургъ талантливый германскій генералъ, а вовсе не лидеръ германскихъ социаль-демократовъ; г) знаетъ, что германской денежной единицей является марка, имѣющая сто пфеннинговъ; д) знаетъ, что Суменсонъ и Ганецкій прекрасные бухгалтеры.

«Петроградская Газета», наоборотъ, считаетъ контръ-революціонеромъ всякаго, кто — а) знаетъ разницу между «соціализмомъ» и «садиизмомъ» и б) между «марксизмомъ» и «мазохизмомъ».

Итакъ, достаточно сослаться на любой пунктъ, выставленный любой изъ перечисленныхъ газетъ, чтобы доказать, что я, нижеподписавшійся, убѣжденный, неисправимый и злостный контръ-революціонеръ.

Мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ покончить съ собой или отдать себя въ руки властей. Если слабость характера воспрепятствуетъ мнѣ сдѣлать первое, то придется рѣшиться на второе. Я — контръ-революціонеръ; я знаю разницу между «марксизмомъ» и «мазохизмомъ», и я не считаю Чернова писанымъ красавцемъ.

Мой адресъ извѣстенъ редакціи.

Бор. Мирскій.

СВОЕГО РОДА ЦЕНЗЪ.

Николая II недавно спросили:

— Вы очень огорчены ссылкой въ Тобольскъ?

— Наоборотъ. Я вѣдь знаю, что всѣ политическіе, посланные въ Сибирь, получаютъ потомъ хорошій постъ. Вотъ и я теперь надѣюсь на какое-нибудь мѣстечко впоследствии.

* * *

— Большевики опять вынесли резолюцію!

— Да ужъ это ихъ манера: выносить соръ изъ избы.

Рис. Ре-ни.

Ц В Ъ Т Ъ П А Р Т І И.

Создательный: — Ради чистоты партійной программы я даже Россіи не пожалю!

НЕВЪРОЯТНЫЕ РАЗ-
СКАЗЫ.

А знаю, мнѣ никто не повѣрять, и тѣмъ не менѣе я настойчиво утверждаю, что во всемъ, сказанномъ мною, нѣту и тѣни вымысла.

Одна голая правда.

I.

На углу Невскаго и Садовой стоялъ живой городской.

— Виноватъ, — сказала я, — не можете ли вы указать мнѣ, гдѣ тутъ находится Публичная библиотека?

— Публичная библиотека? А вотъ! — и городской ткнулъ своей бѣлой палочкой по направлению полукруглаго, казарменнаго вида, зданія.

II.

— Хо-хо-хо-хо!.. Ф-фу, хо-хо-хо-хо!..

— Чего ты, папка?

— Нѣмцы-то... нѣмцы... Хо-хо-хо-хо-хо!

— Ну, чего нѣмцы?

— Хлѣбъ по карточкамъ получаютъ: по три четверти фунта въ день, хо-хо-хо, на рыло! Часами въ очереди простаиваютъ... Достукались! Довоевались! Хо-хо-хо-хо-хо!

— Хи-хи-хи-хи-хи!

III.

— Купи ты мнѣ, Маша, курочку, выбери пожирнѣе, да смотри, больше семи гривенъ зеленцику-мошеннику не давай; они вѣдь рады... что ни дашь, все возьмутъ... Потомъ, Маша, купи ты мнѣ съ полсотенки яичекъ свѣженькихъ, масла сливочнаго четверку, картошечки, корненьевъ, салатцу. Да по дорогѣ забѣги къ Ивану Егорычу, сахарцу возьми фунтовъ съ пятокъ, да песочку, да крупки перловой, либо яшневой, которая лучше... И вотъ тебѣ три рубля, не потеряй. А на сдачу купи барину «Земщину» и 25 штукъ папирозъ «Зефиръ», двухсотый номеръ. Поняла?

— Такъ точно, барыня.

— Ну, съ Богомъ.

IV.

— Дрова-то, дрова-то, матушка: по девяти рублей сажень, каково?

— И не говорите: такая ли дороговизна пошла, что хоть живымъ въ гробъ ложись. А намеднясь торговецъ: 80 копеекъ за арбузъ!

— Скажите!

— Я и говорю ему: кто я, молъ, миллионеръ что ли, чтобы тебѣ такія бѣшенныя деньги за арбузъ платить? Совѣсть-то у тебя гдѣ? Арбузу извѣстна цѣна — 25 к., а ты эвонъ сколько запрашиваешь! Креста на тебѣ нѣту... Такъ и не купишь!

— Извѣстно: имъ только потакни...

V.

— Нанялъ квартиру?

— Наймешь!.. Какъ же, держи карманъ шире!

— Свободныхъ нѣтъ?

Рис. Миссъ.

Моды 1917 года.

— Ну, вотъ, сказала тоже! гдѣ это видано, чтобы въ Петроградѣ свободныхъ квартиръ не было! Сколько угодно! въ каждомъ домѣ штукъ по десяти!

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ: въ цѣнѣ! Третій этажъ, три комнаты, лифтъ, электричество, ванна... ну, сколько бы ты думала:

— Рублей 36? 40?

— Шестдесятъ!.. И вездѣ такъ! Вотъ тутъ и повертись, найди квартиру!

VI.

— Извозчикъ!

— Пожалуйте!

— Пожалуйте, ваше сясъ: всегда со мной ѣздить изволите.

— На Пески, оттуда на 15-ю линію Васильевскаго Острова, оттуда къ Финляндскому вокзалу, съ вокзала обратно сюда въ Коломну.

— Пять рубликовъ положите, ваше сясъ.

— Три рубля, ни копейки больше!

— Четыре...

— Три!

— Пожалуйте!

— Ваша милость, всегда милость, пожалуйста! Пожалуйте, ваше сясъ!

— Ваша милость, за два рублика, духомъ домчу!

Теткинъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ то время какъ упрощеніе прависанія, проводимое сверху, вызвало столько упрековъ и газетнаго шума, снизу къ этому вопросу подошли спокойно и просто.

Намъ доставлена такая программа одного изъ провинціальныхъ кинематографовъ:

Лживый баронъ

или

Чарли первымъ министромъ.

Смѣшной юмористическій рассказъ въ 2 части. Въ главномъ роль

Чарли Чаплинъ.

Въ этомъ смѣшномъ юмористическомъ рассказѣ мы оцѣнимъ можемъ любоваться отличной способностью Чарли Чаплина какъ онъ маленькими способами производитъ важныя и дурацкія дѣйствія. Фильмъ праздничный часъ для каждаго юмористическаго человека.

Чарли кельнеромъ на «Зеленой кукушкѣ» и познакомился съ дамою общества Сусанна. Онъ представляетъ себя какъ графъ или баронъ Пласырь, первый министръ Гренландіи. Молодая дама такъ влюбилась въ знатнаго «Перваго министра» какъ что она совсѣмъ не задочивается о своемъ преждемъ поклонникѣ, который конечно сталь яростно ревнивымъ. Онъ рѣшаетъ открывать «министра» и приманиваетъ Сусанну и много ея знакомыхъ въ «Зеленая кукушка», гдѣ Чарли только что прислуживаетъ за столомъ. Когда Сусанна замѣчаетъ своего знатнаго «министра» въ призракъ простово кельнера она падаетъ въ обморокъ и поприще Чаплина министромъ и тоже кельнеромъ презрительно кончаетъ.

— Такимъ бы языкомъ большой бытовой романъ написать, — съ завистью вздохнули мы, — вотъ успѣхъ-то былъ бы...

Читайте журналъ

БАРАБАНЪ.

Продается у всѣхъ газетчиковъ.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

С. Б. Б. — „Куплеты“ ваши, говоря откровенно, отвратительны. Ну, что это такое, подумайте сами:

Однажды порою ночью
Франтъ встрѣтился съ чужою женою,
Что дальше — сказать не берусь —
Вотъ это свободная Русь!
Торгуютъ солдаты на Невскомъ,
Сбывая продукты всё съ трескомъ (?)
А прибылъ на ханжу для Марусь —
Вотъ это свободная Русь.

Этакую вещь пропѣть на эстрадѣ плохого кинематографа, да пересыпать ее чечеткой — да вѣдь за это на рукахъ вынесутъ!

А для насъ — дѣло неподходящее.

Кругликову съ М. Подъяческой. — „Если моя рукопись не разборчива, пусть кто-нибудь въ редакціи перепишетъ“, — пишетъ добродушный Кругликовъ.

И вѣрно. Мы это редактору поручимъ — пусть переписываетъ. Не зря, чай, жалованье получаетъ.

Бра-Руле (туземцу). — Тѣхъ же мыслей держится и Бра Руле: — „Если есть въ разсказѣ шероховатости, пусть редакція погладитъ“.

Разсказъ не собака — зачѣмъ его гладить.

Плохой разсказъ такое животное, ежели его порвешь, то всѣмъ хорошо — и автору, и редакціи, и читателямъ.

Провинція.

Рыбинскъ. И. К—ву. — Товарищи начинающіе! Осторожнѣе обращайтесь съ литературными образами!.. И. К—въ пишетъ:

— „Ея маленькія бѣлыя ножки всегда вошли въ мой мозгъ“..

Хорошо еще что „маленькія“. Мозгу хотя и тѣсно отъ так го сосѣдства, но, очевидно, не особенно. Писать можетъ. Плохо, но пишетъ.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и государственными.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко:

Подходцевъ и двое другихъ.

Цѣна 3 руб.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

О маленькихъ — для большихъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи:

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 2 руб.

Аркадій Буховъ:

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 2 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ.

Повѣсти о странностяхъ любви.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВАЖНО ВСѢМЪ, КТО НЕ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО“ выполняетъ въ Петроградѣ всевозможнаго рода порученія частнаго характера. Быстрое наведеніе справокъ по всѣмъ вопросамъ во всѣхъ вѣдомствахъ, учрежденіяхъ, заведеніяхъ и управленіяхъ гор. Петрограда.

Пишите: Петроградъ, Владимірскій пр., д. № 18, „Посредничество“.

СПРАВКИ О ПРОПАВШИХЪ БЕЗЪ ВѢСТИ

плѣнныхъ, бѣженцахъ, убитыхъ и раненыхъ быстро наводитъ справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО“. Пишите возможно подробнѣе по адресу: Петроградъ, Владимірскій пр., д. № 18, „Посредничество“.

Стоимость справки 3 р. 50 к. уплатите послѣ полученія справки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

5-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ 1-го Октября по 1-е Января 1918 года по 2 рубля за каждый мѣсяць.

Подписка на журналъ до Октября по 1 р. 50 коп. въ мѣсяць.

ЦѢНА за объявленія — непарель строка 2 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Однажды, послѣ длительныхъ аварій,
Въ министры выбранъ былъ махровый
пролетарій...

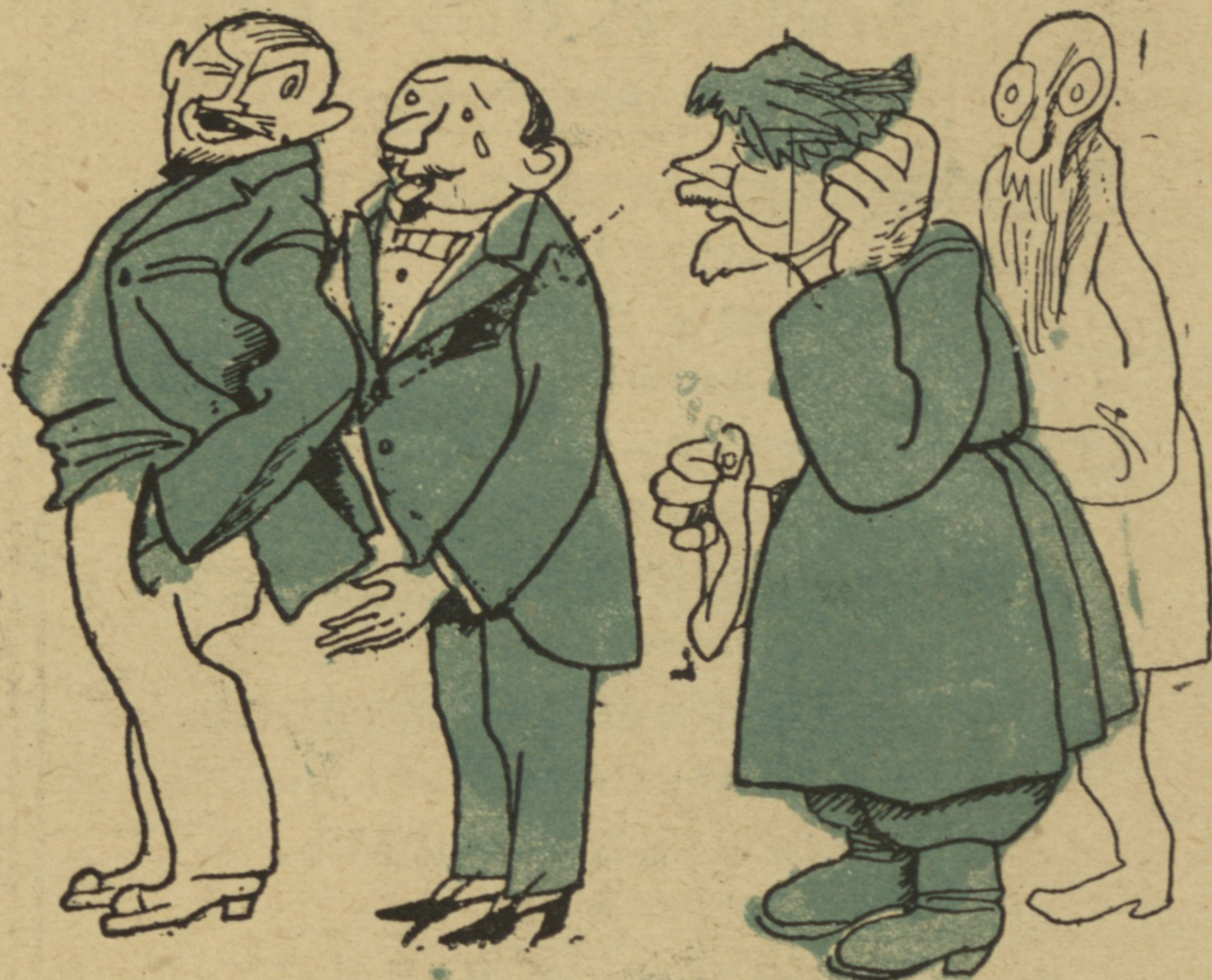
Чтобы подписывать служебныя бумаги,
Ему пришлось узнать значенье мыльной
влаги.

Потомъ пришлось извѣдать „пиксафонъ“,
(Къ послу онъ на обѣдъ былъ пригла-
шенъ.)

Всѣхъ направлений онъ читалъ газеты.
Нашелъ, что иногда весьма правы кадеты!

А нужды населенія узнавъ,
Узрѣлъ, что и буржуй бываетъ правъ.

Чтобъ не испытывать нужды въ движеніи
скоромъ,
Пришлось обзавестись ему моторомъ.

И вдругъ на митингѣ министръ нашъ!
услыхалъ:
— Долой его, вѣдь онъ буржумъ сталъ

И послѣ ссоръ и дракъ, и всяческихъ аварій, —
Въ министры выбранъ бытъ другой ужъ пролетарій
(Смотрѣть первый рисунокъ.)